

ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Polisa

Poli Sa

После закрытия

<https://litres.ru/74035156>

SelfPub; 2026

Аннотация

У каждого из них своя жизнь, о которой другой не догадывается. У каждого - маска, которую он носит годами.

Они работают рядом три года. Он привык флиртовать. Она привыкла отворачиваться. Между ними - дистанция, которую никто не пытается сократить.

Однажды осенью они остаются в офисе после закрытия.

И все идет не по плану.

«После закрытия» - это история о двух одиноких людях, которые прячутся за масками. О том, как трудно снять их. О том, как страшно показать себя настоящего. О том, что тишина иногда говорит громче слов. И о том, что иногда, чтобы спасти себя, нужно сначала потерять все.

Внимание: роман является продолжением серии книг.

«Власть денег» вышла ранее, и без ее прочтения сюжет этого романа будет непонятен.

Содержание

Глава 1.	4
Иллирика.	4
«Женщина у окна»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Poli Sa

После закрытия

Глава 1.

Иллирика.

«Женщина у окна»

Стекло запотело изнутри. Я провожу пальцем вертикальную полосу - наблюдаю, как капли собираются в жирную дорожку, прежде чем снова затянуть обзор.

«Бесполезно.»

За окном та же серая муть, что и десять минут назад, и два часа назад.

Мужчина в сером костюме сидит у окна ресторана. Третий столик от входа, лицом к залу - плохая позиция для слежки, хорошая для бизнес-ланча.

Он жует размеренно, не наклоняясь над тарелкой. Салфетку кладет на колени. Не прольет, не испачкает манжеты. Такой человек не покупает костюм в первом попавшемся магазине, и ему не все равно, как он выглядит. Я замечаю

это автоматически: руки, осанка, как держит вилку. Ему под пятьдесят, но он в форме. Не спортзал, скорее генетика. Жена, наверное, готовит сама.

Я смотрю на него уже четвертый час и могу описать его лучше, чем он сам себя. Это моя работа. И в этом нет ничего личного. Я отворачиваюсь на несколько секунд, чтобы он не уловил взгляд через стекло - правило, которое въелось в подкорку. Машина стоит напротив, метрах в тридцати от входа. Двигатель заглушен, отопление выключено. В салоне уже холодно, пальцы на руле немеют, но я не завожу мотор. Лишний звук, лишний выхлоп, лишнее внимание.

Лучше мёрзнуть.

Я привыкла.

Осень в этом городе всегда начинается с дождей и липкого холода, который забирается под одежду не сразу, а постепенно - сначала под куртку, потом под кофту, потом к коже. Сейчас он добрался до позвоночника.

Перед глазами пустой термос на пассажирском сиденье. Чай выпила еще два часа назад. Последний глоток был горьким - заварила слишком много заварки, потому что не спала прошлой ночью.

Опять.

В три часа села заполнять дневник, в четыре поняла, что смотрю в одну точку на стене. Алексей спал в спальне, я сидела на кухне с ручкой в руке и не могла вспомнить, какой сегодня день. Неделя. Число. Всё слилось в серую массу, как

этот октябрь за окном.

Мужчина допивает кофе. Медленно, не торопясь. Ставит чашку на блюдце. Я замечаю, что на столе нет десерта.

«Не ест сладкое.»

Ещё одна деталь в копилку, которая никому не нужна. Потому что он не изменяет жене. Я знаю это с того момента, как увидела его походку из машины. Твердую, прямую, без оглядки по сторонам.

Мужчина, который ищет приключений, ходит иначе. Он оглядывается. Он сканирует пространство на предмет возможных свидетелей. Этот идет так, будто камеры снимают документальный фильм о его идеальной жизни.

«Такие мужчины не изменяют», - думаю я, и это не предположение, а профессиональная констатация. Им не за чем. Им и так все подают на блюдечке - дома горячий ужин, чистые рубашки, жена, которая не задает лишних вопросов, потому что боится разрушить сказку. Она пришла к Максиму не за доказательствами. Она пришла за разрешением. Ей нужен кто-то, кто скажет:

«Да, он плохой, уходи.»

Тогда она сможет уйти без чувства вины. Я видела таких женщин сотни. Они не хотят правды. Они хотят чтобы за них приняли решение.

Я поправляюсь на сиденье, и спина отзывается тупой болью. Четыре часа в одной позе. Плечи затекли, шея одеревенела. Я не могу размять их - любое лишнее движение при-

влекает внимание, когда машина стоит на месте.

Поэтому я терплю.

Терпеть я умею.

Это тоже въелось.

В голову лезет воспоминание. Три года назад. Допросная комната, желтый свет, который гудит, если прислушаться. Мне двадцать три, на мне чужая толстовка, потому что мою изъяли на экспертизу. За хранение и распространение. Статья тяжёлая, срок реальный. Я уже мысленно простилась с жизнью - не потому, что боялась тюрьмы, а потому, что поняла: на этот раз маска не сработает. Я не выкручусь. И впервые за много лет я почувствовала облегчение.

Всё.

Игра закончена.

Можно упасть.

Макс появился через три дня. Не как спаситель - как человек, которому нужна была удобная пешка. Он тогда сказал:

«Ты умеешь исчезать. Это дорогого стоит. Я плачу - ты работаешь. Без вопросов.»

У меня не было вопросов. У меня был билет из клетки. Я согласилась, не думая. И до сих пор не знаю, правильно ли сделала.

«Счастлива ли я на этой работе?» Я прокручиваю вопрос в голове, пока мужчина в ресторане подзывает официанта.

«Счастлива ли я, когда сижу в холодной машине четвертый час и смотрю на чужую жизнь?»

«Счастлива ли я, когда надеваю чужие лица, потому что свое забыла где-то по дороге?»

«Счастлива ли я, когда Макс отдает приказы, а я их выполняю, потому что это проще, чем решать - "А чего хочу я?" »

Счастье - это когда перестаешь врать. Я не врала только один раз за последние три года. В тот вечер, когда Ирен Кокс смотрела на меня снизу вверх, а моя рука сжимала то, что ее убило. Это был не выстрел. Это было решение. И в ту секунду я была честна как никогда: я хотела, чтобы она умерла. Не потому, что Макс приказал. Потому что она заслужила. И я не чувствовала ничего. Ни страха, ни отвращения, ни триумфа. Только пустоту. И эта пустота была самым честным, что со мной случилось.

Я не счастлива.

Но я жива.

И это почти одно и то же.

Мужчина встает. Кладёт салфетку в тарелку. Берет портфель. Направляется к выходу.

Я выпрямляюсь, хруст в позвоночнике отдается в затылке. Пальцы ложатся на ключ зажигания. Сердце бьется ровно, без спешки. Адреналина нет.

Его вообще давно нет.

Этого задания не будет в дневнике - такие пустые слезки я перестала записывать. Слишком много бумаги. Слишком много правды, которую никто не прочитает.

Он толкает дверь, поднимает руку. Такси тормозит у тротуара через три секунды. У него есть приложение, он не ловит машину наугад.

Конечно.

Все должно быть удобно и правильно.

Я завожу двигатель, включаю ближний свет, жду, пока он сядет и дверь захлопнется. Внутри - холодно, пусто и тихо. Только дворники шуршат по мокрому стеклу.

- Рассказ верной жене продолжается, - говорю я вслух. В пустоту. Мой голос звучит чужеродно, будто я давно не разговаривала сама с собой.

А может, так и есть.

Такси отъезжает от тротуара плавно, без рывков. Водитель явно не новичок - знает, что пассажир в сером костюме не оценит резких торможений. Я даю им отъехать на корпус, прежде чем тронуться с места.

Правило: никогда не стартовать одновременно с объектом. Люди не запоминают машины, которые стоят на месте. Они запоминают те, которые двигаются синхронно.

Дворники работают в среднем режиме. Дождь не сильный, но упрямый - тот самый октябрьский, когда зонт бесполезен, потому что вода летит не сверху, а с боков, и через пять минут ты мокрая, даже если бежала от машины до подъезда. Я ненавижу такой дождь. Не за то, что он промочит. За то, что он делает мир размытым, будто кто-то провел мокрой тряпкой по стеклу, и теперь нельзя разобрать, где кончается

тротуар и начинается дорога.

Я держу дистанцию. Не прижимаюсь, не теряю. Между мной и такси всегда одна машина, не больше и не меньше. Если кто-то вклинится - я перестроюсь, но не ускорюсь.

Спешка - главный признак слежки. Глаза считывают не номер и не марку. Глаза считывают намерение. Если ты едешь как все, ты сливаешься с потоком. Если ты торопишься, тебя замечают.

Задание пустое. Я знала это еще вчерашним вечером, когда Макс скинул мне адрес ресторана и фото мужчины. Один взгляд на лицо - и все ясно. Такие не изменяют. Они могут сходить налево один раз в жизни, в командировке, после трех рюмок коньяка, но это будет не измена в юридическом смысле. Это будет несчастный случай. И жена об этом не узнает, потому что он сам себе не простит.

Но сейчас не тот случай. Сейчас я смотрю на номер такси и думаю о том, сколько времени потрачено впустую.

Три года. Три года я делаю эту работу. Слежка, наблюдение, сбор информации. Иногда - грязная работа, как с Ирен. Но чаще именно это: часы в машине, холодный чай в термосе, чужой затылок в чужом такси. Макс платит хорошо. Достаточно, чтобы я не задавала вопросов. Но сегодня я задаю. Просто так, для себя.

«Зачем ей развод?»

Она знает, что он не изменяет. Она пришла к адвокату не с доказательствами, а с подозрениями. Женщины врут се-

бе так же виртуозно, как я надеваю маски. Она убедила себя, что он плохой, потому что иначе ей пришлось бы признать: она просто больше его не любит. А это страшнее. Измену можно простить. Можно использовать как оружие в суде. Можно выставить себя жертвой и уйти красиво. А отсутствие любви - это тишина, в которой некого винить.

Это моя история.

Такси поворачивает направо. Я повторяю маневр с задержкой в три секунды. Светофор горит зеленым, но я знаю, что он переключится через пять - я успею проскочить, но не буду рисковать. Лучше остановиться, потерять полминуты, чем вылететь на перекресток и привлечь внимание полиции. Водитель такси ведет машину грамотно, без нарушений. Значит, и мне нельзя.

Я вспоминаю, как училась этому. Не было курсов, не было наставников. Макс просто сказал:

«Ты умная. Разберись.»

И я разбиралась. Читала форумы, смотрела видео, анализировала ошибки чужих слежек из открытых источников. Моя суперсила не в таланте, а в том, что я не сплю по ночам. Я прокручиваю в голове маршруты, варианты, отступления. Я готовлюсь к тому, что никогда не случится. И когда случается - я не паникую. Потому что я уже проиграла этот сценарий двадцать раз в своей голове.

Такси тормозит у офисного центра. Металлические буквы на фасаде, стеклянные двери, охранник в униформе. Муж-

чина выходит, расплачивается - я вижу, как он протягивает купюру через переднее сиденье. Ждет сдачу. Конечно, ждет. Такие всегда ждут сдачу.

Он заходит внутрь. Двери закрываются за ним. Я паркуюсь в тени дерева - единственного на этой улице, где октябрь уже ободрал листву почти дочиста. Глушу двигатель. Тишина наваливается резко, будто кто-то выключил звук в наушниках. Только дождь барабанит по крыше. И мое дыхание.

Я смотрю на себя в зеркало заднего вида. Серые глаза, тени под ними - сегодня они темнее обычного. Волосы сбились в неаккуратный узел на затылке, несколько прядей выбились и намokли у висков. Я выгляжу уставшей. Не просто после бессонной ночи - уставшей жизнью.

Когда это началось?

Я не помню.

Макс говорит, что я красивая. Он говорит это каждый раз, когда остается со мной наедине. Я никогда не отвечаю. Не потому, что мне нечего сказать. Потому что я не знаю, правда ли это. Я вижу в зеркале не лицо, а маску. Я уже забыла, что под ней. Может быть, там ничего нет. Может быть, маска и есть мое лицо.

И это самое страшное.

Я смотрю на часы на приборной панели. День только начался, а у меня уже нет сил. Но я открываю дверь, выхожу под дождь и перехожу к заднему сиденью, где в чехле висит мой офисный костюм. Работа не ждет.

Работа никогда не ждёт.

Я открываю заднюю дверь и сажусь лицом к сиденью, чтобы меня не было видно с улицы. Стекло тонированное, но я не люблю рисковать. Кто-то учил меня:

«Ты невидима не тогда, когда тебя не могут увидеть. Ты невидима тогда, когда на тебя не обращают внимания.»

Я уже не помню, кто это сказал. Может быть, никто. Может быть, я сама придумала эту фразу в одну из бессонных ночей.

В машине темно и тесно. Я включаю маленький светильник на потолке - тусклый, едва заметный снаружи. Он выхватывает из темноты чехол с одеждой, который висит на крючке. Черная блузка, черная юбка-карандаш, черные колготки. Коробка с туфлями на полу.

Все черное.

Все одинаковое.

В моем гардеробе нет цвета, потому что цвет привлекает внимание. А я не хочу, чтобы меня замечали.

Снимаю кроссовки. Носки промокли насквозь, пальцы ног побелели от холода. Я растираю их друг о друга, прежде чем натянуть колготки. Это движение - механическое, привычное. Оно не возвращает тепло, но возвращает контроль. Когда я одеваюсь, я готовлюсь к роли. Каждая деталь костюма - это часть брони. Блузка с глубоким декольте - не для соблазна. Для отвлечения. Люди смотрят на открытую кожу, а не в глаза. Это знание старше меня.

Я натягиваю колготки - тонкие, дорогие, те самые, которые не рвутся после первого часа. Их купила я сама, без помощи Алексея. Он не знает, сколько стоят мои колготки. Он не знает, сколько стоит моя блузка. Он вообще мало что знает обо мне. И это моя вина. Я не пускаю.

Юбка застегивается сбоку. Я проверяю, не перекрутился ли замок - вечная проблема с этой моделью. Подол опускается ровно до колена. Ни миллиметром выше, ни миллиметром ниже.

Деловой стиль учит: чем меньше ты нарушаешь границы дресс-кода, тем меньше на тебя смотрят.

Исключение - декольте.

Декольте работает как щит: люди смотрят туда и не замечают, что ты сканируешь помещение, запоминаешь лица, ищешь выходы.

Блузка скользит по плечам - шелк, холодный, как октябрьский дождь. Я застегиваю пуговицы, оставляя три открытыми сверху. Не две, не четыре. Ровно три. Отработанная формула. Я знаю, как падает свет, как ложится ткань, где должна быть граница между «прилично» и «привлекает внимание». Макс научил меня этому.

Нет.

Макс не учил.

Макс просто смотрел. А я запоминала.

Туфли. Лаковые, черные, каблук восемь сантиметров. Я не люблю каблуки. Они делают меня выше, заметнее, уязви-

мее - на каблуках сложнее бежать, сложнее драться, сложнее исчезнуть. Но сегодня у меня роль деловой женщины, а деловые женщины на каблуках вызывают меньше подозрений, чем женщины в кроссовках. Я надеваю их последними, чувствуя, как пятка скользит внутрь, а ремешок обхватывает щиколотку.

Тесно.

Но терпимо.

Пальто надевать полностью не буду - накину на поечи. Мне нужно, чтобы декольте было видно. Для охранников, для секретарш, для случайных прохожих. Женщина с глубоким декольте не следит за мужчиной. Женщина с глубоким декольте идет на свидание, на собеседование, к любовнику. У нее есть право быть в этом здании. У нее есть право смотреть по сторонам. У нее нет страха в глазах - только скука и усталость.

Я смотрю на себя в маленькое зеркальце, которое всегда лежит в кармане чехла. Короткие темные волосы сбились, намокли на концах. Я провожу рукой, приглаживая.

Макияж?

Минимальный: тушь, тональный крем, помада цвета сухой вишни. Не ярко, не бледно - чтобы лицо не сливалось со стеной, но и не кричало о себе.

Все рассчитано.

Все продумано.

И кольца. Два черных кольца на безымянных пальцах. Ни-

когда не снимаю. Даже когда мою посуду. Даже когда сплю. Они стали частью меня, как шрамы. Алексей спрашивал однажды, зачем они. Я ответила:

«Просто нравится.»

Он не стал уточнять. Алексей вообще редко уточняет. Ему достаточно того, что я рядом.

А правда в том, что я не помню, зачем их купила. Может быть, чтобы напоминать себе:

«Я занята. Я не свободна. Я не могу исчезнуть, потому что у меня есть обязательства.»

Два кольца - два якоря, которые держат меня на месте. Без них я, наверное, улетела бы. Или ушла. Или просто легла и не встала.

Я выключаю светильник. Темнота возвращается, густая и теплая. Открываю дверь, выхожу под дождь, закрываю за собой. Накидываю пальто на плечи - не застегивая, чтобы декоративно оставалось в зоне видимости. Поправляю воротник, одергиваю юбку. Делаю три глубоких вдоха, как перед выходом на сцену. Потому что это и есть сцена.

Роль номер семь.

Деловая женщина.

Своя среди своих.

Я иду к стеклянным дверям офисного центра. Каблуки стучат по мокрому асфальту: цок-цок-цок. Дождь бьет в лицо, но я не щурюсь. Я смотрю прямо перед собой, туда, где за прозрачными дверями начинается чужая жизнь, которую

я буду проживать вместо своей.

Стеклянные двери открываются беззвучно. Внутри тепло и сухо - после холодной машины, после дождя, который за-текал за воротник и лип к щиколоткам, этот воздух кажется почти живым. Пахнет кофе, дорогой кожей мебели и дезин-фекцией - той самой, которой моют полы в зданиях, где люди проводят больше времени, чем дома. У каждого офиса свой запах, и я научилась их различать. Этот пахнет деньгами и усталостью.

Вестибюль просторный, с высоким потолком и зеркаль-ными панелями на стенах. Я вижу в них свое отражение: чер-ное пальто на плечах, мокрые волосы, усталое лицо. Я по-правляю воротник, одергиваю юбку. Никаких лишних дви-жений. Все должно выглядеть так, будто я здесь по делу. Буд-то у меня есть свое дело, свой кабинет, свой смысл находиться в этом здании.

Охранник сидит за стойкой справа от входа. Мужчина лет пятидесяти, форма сидит на нем мешковато, живот нависает над ремнем. Он поднимает голову, когда я прохожу мимо, но не останавливает. Я уже не человек для него - я силуэт. Женщина в пальто. Одна из сотен, которые проходят мимо каждый день. Я не смотрю на него, но краем глаза замечаю, как он возвращается к телефону. Экран светится голубова-тым светом, пальцы тычут в клавиши.

Игры.

Ему скучно.

И это хорошо.

Скучный охранник - лучший охранник.

Турникеты. Четыре штуки, два на вход, два на выход. Я подхожу к крайнему слева - там нет очереди. Достаю из кармана пальто пластиковую карту, которую Макс дал мне год назад. Универсальный пропуск, открывает двери в половине офисных зданий города. Я не стала спрашивать откуда он его взял.

Карта щелкает, турникет поворачивается. Я прохожу, не сбавляя шага. Звук моего пропуска тонет в общем шуме - гул голосов, звонки телефонов, шаги, эхо лифтовых дверей. Здесь всегда так. Люди приходят, уходят, разговаривают, смеются, спорят. Я не слышу слов, только частоты. Офис - это белый шум. И я в нем растворяюсь.

Я не иду к лифтам. Лифты - это камеры, случайные попутчики, риск застрять между этажами с кем-то, кто задаст лишний вопрос. Я иду к лестнице. Серая дверь с табличкой «Запасной выход» в конце коридора. Толкаю её плечом - тяжелая, с доводчиком, который не хочет открываться до конца. Я проскальзываю в щель, и дверь захлопывается за мной с глухим стуком.

Лестница. Бетон, металл, запах пыли и старой краски. Здесь тихо. Слишком тихо по сравнению с вестибюлем. Мои каблуки стучат по ступеням, и каждый звук возвращается ко мне эхом. Я поднимаюсь медленно, чтобы не запыхаться. Пот под блузкой виден, если знать, куда смотреть. А я не хо-

чу, чтобы кто-то знал. Объект на восьмом. Я поднимаюсь на седьмой, потом пройду по коридору до конца, потом через служебную дверь выйду на лестничную клетку, которая ведет на восьмой.

Черный ход. Архитекторы всегда забывают про черные ходы, когда проектируют безопасность. Они думают о камерах, о турникетах, о пропусках. А я думаю о том, где их система дает сбой.

Всегда есть сбой.

Надо только знать, где искать.

Седьмой этаж. Я толкаю дверь и выхожу в коридор. Здесь тише, чем внизу. Меньше людей, больше закрытых дверей. Я иду по коридору. Мимо переговорной, где за стеклом двое мужчин смотрят в ноутбук и тычут пальцами в экран. Мимо зоны с кулером - пусто, только бумажные стаканчики в мусорном ведре. Мимо открытого офиса, где девушка в розовой блузке разговаривает по телефону и смеется. Никто не смотрит на меня. Я для них - тень. Не человек, не угроза, не событие.

В конце коридора дверь с табличкой «Служебное помещение. Посторонним вход воспрещен». Я толкаю ее - не заперто. Конечно. Здесь же не хранят ничего ценного. Только швабры, ведра, коробки с бумагой. Я прохожу через это помещение, не включая свет, ориентируясь на ощупь. Стены, стеллажи, запах хлорки. В дальнем углу еще одна дверь. Выхожу на лестничную клетку восьмого этажа.

Черный ход.

Без камер.

Без охранников.

Без свидетелей.

Восьмой этаж. Я толкаю дверь и оказываюсь в коридоре.

Здесь другой свет - холоднее, белее. Дорогие офисы всегда освещают так, будто солнце за окном не имеет значения. Искусственный свет режет глаза после полумрака лестницы. Я моргаю, привыкая. План здания у меня в голове. Я знаю, где кабинеты, где переговорные, где кухня, где туалеты. Я знаю, в каком углу восьмого этажа сидит объект. Но я не пойду туда напрямую.

Слишком просто.

Слишком предсказуемо.

Я беру с подоконника первую попавшуюся папку. Зеленая, потрепанная, без опознавательных знаков. Открываю, делаю вид, что читаю. Листаю страницы, не вникая в смысл. Там какие-то договоры, печати, подписи.

Не мое.

Не важно.

Папка в руках - это пропуск. Человек с папкой выглядит так, будто знает, куда идет. Человек с папкой не теряется. Человек с папкой не выглядит чужим.

Я иду по коридору медленно, но не слишком. Никто не идет слишком медленно в офисе - это привлекает внимание. Никто не идет слишком быстро - это привлекает внимание

тоже. Я иду со скоростью человека, который опаздывает на встречу, но не настолько, чтобы бежать.

Мимо меня проходит мужчина в синем костюме. Я поднимаю глаза, встречаюсь с ним взглядом на секунду - не дольше, чем нужно, чтобы обозначить, что я его вижу. Киваю. Он кивает в ответ и идет дальше. Мы не знакомы. Мы никогда не увидим друг друга снова. Но в эту секунду мы коллеги. Я одна из них.

Поворот направо, потом прямо, потом мимо стола секретарши. Девушка смотрит в монитор, печатает, не поднимая головы. На ней желтая блузка. Я запоминаю цвет. Зачем? Не знаю, наверное уже въелось - запоминать все.

«Жёлтая. С коротким рукавом. Волосы собраны в пучок.»

Я прохожу мимо зоны открытых столов. Программисты в наушниках, девушка с разноцветными стикерами, парень, который жуёт сэндвич и смотрит в монитор. Они не смотрят на меня. Они вообще ни на кого не смотрят, кроме своих экранов. Офисная слепота. Болезнь, которая работает на меня.

Объект сидит в угловом кабинете. Стеклянные стены - идиотское решение для приватности, но прекрасное для меня. Я вижу его через тонированное стекло: склонился над документами, ручка в руке, очки на носу. Дома он не носит очки.

Еще одна деталь.

Еще один штрих к портрету человека, который не изме-

няет жене.

Я сажусь за свободный стол напротив его кабинета. Стол чужой - на нем стоят фотография ребенка и кружка с надписью «Лучший папа». Мужчина, который здесь работает, уже ушел домой. Как я это поняла? Бумаги собраны, кружка вымыта, все ручки стоят на своем месте - в стакане.

Кладу папку на стол, открываю на середине. Достāju телефон, делаю вид, что читаю сообщения. Но глаза смотрят не в экран. Глаза смотрят сквозь тонированное стекло на мужчину в очках. Он перелистывает страницу. Подписывает документ. Снимает трубку, набирает номер. Я не слышу, о чем он говорит, но вижу, как двигаются его губы. Деловой разговор. Сухой, короткий, без эмоций. Он кладет трубку. Смотрит в окно. Потом возвращается к бумагам.

Я сижу и жду.

Слежка - это не экшен.

Слежка - это умение быть неподвижной, когда внутри всё дрожит от скуки и холода.

Слежка - это когда ты смотришь на чужую жизнь и понимаешь, что твоя собственная проходит мимо, а ты даже не замечаешь.

В моей голове щелкает счетчик. Четыре часа уже потрачено. Сколько еще?

Я не знаю.

Но я буду сидеть здесь столько, сколько нужно. Потому что это моя работа.

Рабочий день заканчивается не звонком, а тишиной. Я замечаю это каждый раз: сначала люди перестают ходить по коридорам, потом гаснут экраны в пустых кабинетах, потом свет в переговорных становится приглушенным, дежурным. Офис замирает, как зверь перед сном. И в этой тишине я слышу, как объект закрывает папку, отодвигает стул, встает. Я не смотрю на него напрямую - только краем глаза, через отражение в стеклянной перегородке. Он собирается медленно, без спешки. Кладет ручку в стакан, поправляет галстук, проверяет карманы пиджака: телефон, бумажник, ключи.

Все при нем.

Все под контролем.

Он выходит из кабинера, и я уже знаю, что он пойдет к лифту, а не к лестнице. Такие люди не спускаются пешком. Им не нужно экономить время. У них его достаточно. Я жду, пока двери лифта закроются за ним, и только тогда встаю. Чужой стол, за которым я просидела три часа, возвращаю в первозданный вид: папка на место, стул пододвинут, никаких следов. Девушка в желтой блузке уже ушла. Программисты в наушниках тоже. Офис пустеет с каждой минутой, и я сливаюсь с этим процессом естественно, как вода, которая стекает в раковину.

Лестница вниз занимает меньше минуты. Я не бегу, но иду быстро - на каблуках это сложнее, чем кажется. В вестибюле охранник все так же сидит в телефоне. Он не смотрит на меня, когда я прохожу через турникет. Я уже стер-

лась из его памяти. Правильно. Так и должно быть. На улице темно. Октябрьский день умирает быстро - в четыре часа уже сумерки, в пять - ночь. Дождь кончился, но асфальт блестит, отражая желтый свет фонарей. Объект стоит у входа, под козырьком, и смотрит в телефон. Через минуту подъезжает такси - другая машина, другой водитель, но такой же аккуратный и незаметный. Он садится, дверь хлопает.

Я успеваю к своей машине раньше, чем такси трогается с места. Пальто летит на пассажирское сиденье, ключ в замке зажигания - поворот. Двигатель оживает с полуслова. Я выруливаю со стоянки и встраиваюсь в поток через одну машину после такси.

Дистанция.

Не терять, не приближаться.

Он едет домой. Я знаю маршрут, потому что уже изучила его вчера. Поворот на набережную, потом прямо, потом мост. Никаких крючков, никаких попыток оторваться. Он едет домой, к жене, которая заказала развод у Макса, потому что уверена в изменах. Она ошибается. Но она не узнает об этом сегодня.

Я веду машину на автомате - руки помнят, куда поворачивать, ноги помнят, когда жать на газ. Мысли текут отдельно. Я смотрю на красные огни такси впереди и думаю о том, сколько таких вечеров у меня было.

Сотни.

Тысячи.

Чужие дома, чужие жены, чужие измены или их отсутствие. Я перестала считать, потому что числа потеряли смысл.

Спальный район. Дома-коробки, одинаковые, как близнецы. Дворы-колодцы, где никогда не бывает солнца. Такси останавливается у подъезда. Мужчина выходит, расплачивается, заходит в дом. Домофон щелкает, дверь закрывается. Я паркуюсь напротив, под деревом. Глушу двигатель.

Тишина.

Окна на третьем этаже. В одном из них горит свет - кухня. В другом - темно. Я смотрю на темное окно и жду. Через минуту зажигается свет в спальне. Жена. Она была дома. Ждала. Может быть, готовила ужин. Может быть, сидела в темноте, потому что так легче думать о разводе.

Я вижу ее силуэт. Женщина, которую я никогда не встречу. У нее есть имя, возраст, профессия - все это написано в досье, которое Макс скинул мне вчера. Но для меня она просто тень за стеклом. Таких теней были сотни.

«Она не верит» - думаю я, глядя на темный силуэт, который двигается по комнате, задерживается у окна, потом уходит.

Он не изменяет. Но она все равно уйдет. Потому что уже решила. Ей просто нужен был повод.

Я знаю этот сценарий.

Женщина уходит не тогда, когда муж изменяет. Женщина уходит, когда перестает чувствовать. А измена - это просто

оправдание, которое она может предъявить миру.

«Он был плохим, я ушла».

Никто не скажет: «Я больше не люблю».

Это слишком честно.

Слишком страшно.

Я завожу машину. Двигатель дрожит, в салоне становится тепло. Пустое задание. Как и думала.

- Такие мужчины не изменяют, - говорю я себе, выруливая со стоянки. - Такие женщины не уходят в тишине. Никто не виноват. Просто все умерло, а похоронить забыли.

Слова повисают в воздухе. Я слышу их так отчетливо, будто кто-то другой произнес их вслух. Или будто я говорю не о них.

Алексей. Медвежья походка, которая заметна, когда он ходит по квартире в домашних штанах. Привычное «Буська» — каждый день, каждый вечер, одно и то же слово, которое я ненавижу уже лет пять. Молчание за ужином. Телевизор на фоне. Он смотрит новости, я смотрю в тарелку. Иногда он спрашивает:

«Как дела?»

Нормально.

И это правда. Всё нормально.

Нормально - это когда не больно.

Нормально - это когда пусто.

Я вспоминаю, как мы познакомились. Школа. Мне четырнадцать, ему пятнадцать. Он был любимчиком всех девочек,

я - тихой девочкой с серыми глазами. Он подошел на перемене, сказал:

«Ты красивая.»

Я не ответила. Я вообще тогда мало говорила. Но он не отставал. И я подумала:

«Хорошо, пусть будет.»

Пусть кто-то будет рядом.

Двенадцать лет. Целая жизнь. Я не помню, когда в последний раз хотела его поцеловать. Не помню, когда в последний раз ждала его с работы. Не помню, когда в последний раз думала о нем, когда его не было рядом. Он есть - и ладно. Он привычный. Как стул, как стол, как зубная щетка в стакане.

«Я - такая же жена у окна» - думаю я, сворачивая на набережную.

Город плывет за стеклом - огни, машины, люди, которые куда-то идут.

«Только ещё не решилась.»

Потому что решиться - значит признать, что двенадцать лет прошли зря. Что я не люблю, не любила, может быть, никогда не умела любить. Что я просто боялась остаться одна.

Боюсь этой пустоты, которая станет еще больше, если уйти.

Боюсь, что лучше уже не будет.

Боюсь, что это - максимум. Это - моя жизнь.

Светофор загорается красным. Я останавливаюсь, смотрю на пешеходов, которые переходят дорогу. Женщина с ребен-

ком, мужчина с собакой, девушка с большим пакетом из супермаркета. У всех есть лица. У всех есть истории. У всех есть кто-то, кто ждет их дома.

У меня есть квартира.

Есть Алексей.

Есть Макс, работа, слезки, пустые задания.

Есть дневник, который я заполняю по ночам, чтобы не сойти с ума.

Есть два черных кольца на безымянных пальцах, которые никто не снимет, потому что никто не спрашивает.

Зеленый. Я нажимаю на газ, и машина едет дальше.

В офис.

К Максусу.

С докладом, которого никто не ждет. О задании, которого не было. Я еду туда, потому что не знаю, куда еще. Потому что если поехать домой, придется включать телевизор, улыбаться Алексею, говорить «нормально» и делать вид, что я живая.

А я устала делать вид.

Я просто устала.

Офис Макса находится в центре, на девятнадцатом этаже стеклянной башни, которая ночью похожа на светящийся куб.

Я подъезжаю к паркингу, сдаю назад, глушу двигатель. В зеркале заднего вида - мое лицо. Усталое. Бледное. Глаза провалились в тени, губы стерлись почти до естественного

цвета. Я провожу пальцем под нижним веком - тушь не потекла, и на том спасибо.

Выхожу из машины. Каблуки стучат по бетону паркинга - цок-цок-цок, цок-цок-цок. Звук возвращается эхом от серых стен, умножается, будто за мной идет целая толпа.

Но я одна.

Всегда одна.

Лифт поднимает меня на девятнадцатый этаж. Двери открываются, и меня встречает запах офиса - бумага, кофе, лак для мебели и что-то еще, неуловимое, что я называю «запахом чужих амбиций». Коридоры здесь длинные, с дорогим ковролином, который приглушает шаги. Но не мои. Я иду по краю, где ковра нет, только голая плитка. Мне нужно, чтобы меня слышали. Нужно, чтобы знали - я иду. Потому что в этом здании тишина опаснее звука.

Уже поздно. Обычные сотрудники разошлись в шесть, секретарши - в семь. Сейчас за полночь, но здание не спит. Свет горит в переговорных, за закрытыми дверями слышны голоса - адвокаты обсуждают стратегии, юристы правят договоры, кто-то смеется усталым, сорванным смехом. Адвокаты и юристы вообще никогда не спят. Или спят урывками, положив голову на папку с документами. Я видела такое. Не раз.

Я прохожу мимо открытой зоны, где пустые столы и темные экраны мониторов. Мимо кухни, где в раковине гора немытой посуды. Мимо стола секретарши Макса - на нем

стоит фотография ее кота и остывшая кружка чая. Она ушла четыре часа назад. Кот остался на фото. Чай в кружке.

Коридор сужается к концу, упираясь в двойные деревянные двери. Кабинет Макса. Я знаю каждую царапину на этих дверях. Я входила сюда сотни раз. С докладами, с отчетами, с документами на подпись. Иногда - с плохими новостями. Иногда - с запахом крови на одежде. Но всегда одинаково.

Я толкаю дверь ногой. Не потому, что руки заняты. Руки пусты - пальто в одной, телефон в другой. Я толкаю дверь ногой, потому что привыкла. Потому что это мой способ сказать:

«Я здесь.»

Я не стучусь. Мне не нужно разрешения. Макс никогда не запрещал. Он вообще мне мало что запрещает. Кроме одного - исчезнуть.

Дверь открывается с глухим стуком - резиновая прокладка на косяке смягчает удар, но звук все равно получается резким, почти агрессивным. Я переступаю порог и сразу ловлю его взгляд.

Макс сидит за столом. Пиджак висит на спинке кресла, рукава белой рубашки закатаны до локтя, галстук ослаблен. Перед ним - ноутбук, три папки, стакан с виски. Янтарная жидкость на дне почти не отражает свет. Он пьет один. Это видно по тому, что на столе только один стакан.

На его лице расплывается улыбка. Я видела ее сотни раз. Она появляется, когда я вхожу. Когда он слышит мои шаги в

коридоре. Она широкая, искренняя, с морщинками под глазами - теми самыми, от постоянной улыбки. Она говорит:

«Я рад тебя видеть.»

«Ты именно то, чего мне не хватало.»

«Сейчас я скажу что-то, от чего ты закатишь глаза.»

И она врет. Врет так же умело, как я надеваю маски. Потому что Макс не рад меня видеть. Макс хочет меня. И эта улыбка - часть охоты. Часть игры, в которую мы оба играем, но никто не хочет признавать правила.

У меня внутри все сжимается. Не страх — нет. Я не боюсь Макса. Я боюсь себя. Потому что в его улыбке есть что-то, что заставляет меня чувствовать.

А чувствовать я не хочу.

Чувствовать - опасно.

Чувствовать - значит потерять контроль.

А контроль - это все, что у меня есть.

«Сейчас опять начнется,» - думаю я.

И он начинает.

- Лира. - Он произносит мое имя так, будто это тост. Будто поднимает бокал за что-то важное. - А я уж думал, ты не придешь.

Он откидывается на спинку кресла, сцепляет пальцы на затылке. В этом движении есть что-то расслабленное, почти ленивое. Но я знаю: он не расслаблен. Он напряжен, как хищник перед прыжком. Просто умеет это прятать.

- Задание закончено, - говорю я сухо, проходя в кабинет.

- Доклад. Две минуты.

Я не сажусь. Не подхожу ближе. Останавливаюсь у края ковра - ровно на том расстоянии, которое можно назвать «рабочим». Не слишком близко. Не слишком далеко. Граница, которую я установила три года назад и не пересекала ни разу.

- Садись, - говорит он, кивая на стул напротив.

- Ты с ног валишься.

- Я в порядке.

- Ты врешь.

Он улыбается шире. Я закатываю глаза.

- Объект чист, - начинаю я, глядя в его переносицу. Так легче не встречаться взглядом. - Измен не зафиксировано. Жена может тратить деньги на адвоката, но результат будет тот же. Муж не дал ни одного повода.

- Ты в этом уверена?

- Я в этом уверена.

Макс молчит несколько секунд. Смотрит на меня. Потом переводит взгляд на моё пальто - на то, как я держу его перед собой.

- Ты замерзла, - говорит он. Не спрашивает. Утверждает.

- Октябрь на улице, - отвечаю я. - Все замерзли.

- Ты дрожишь.

Я не дрожу. Но он прав - я чувствую холод, который въелся в кости за часы проведенные в машине. Он не проходит даже здесь, в теплом кабинете с мягким светом и запахом виски.

- Я не дрожу, - говорю я. - Я устала. Это разное.

Он встает. И тогда я понимаю, что допустила ошибку. Надо было сесть. Надо было положить пальто на колени, закрыть декольте, держать дистанцию. Но я стою. Стою на краю ковра, и мое пальто висит на сгибе локтя, открывая блузку с тремя расстегнутыми пуговицами.

Макс подходит. Не спеша, не торопясь. Делает три шага. Останавливается в полуметре от меня. Он выше. Мне приходится поднять голову, чтобы видеть его лицо. И я вижу эту улыбку.

- Максим Сергеевич, - говорю я ледяным тоном, который удается мне лучше всего. - Я пришла с докладом.

- Я помню.

- Тогда слушайте.

- Я слушаю.

Он не слушает. Он смотрит. На мои глаза, на мои губы, на мои ключицы, которые я забыла прикрыть. И я чувствую этот взгляд кожей. Чувствую, как он скользит по мне, оставляя невидимые следы. Чувствую, как мое тело предает меня - сердце бьется быстрее, дыхание сбивается.

«Не сейчас,» - говорю я себе. - «Не здесь. Не с ним.»

Но он уже рядом. И улыбается. А я стою и думаю:

«Сейчас опять начнется. Как всегда. Как каждый раз. Он будет говорить. Я буду молчать. Он будет приближаться. Я буду отступать. И так до бесконечности, пока один из нас не сломается. Вопрос только в том, кто сломается первым.»

Он стоит слишком близко, и я делаю шаг назад. Не потому, что боюсь. Потому что знаю: если не отступлю сейчас, потом будет поздно. Моя пятка упирается в ножку стула - того самого, напротив его стола. Я опускаюсь на сиденье, кладу пальто на колени, папку на стол. Руки заняты. Деловой вид. Все правильно.

Макс не возвращается на свое место. Он опирается бедром о край стола, скрещивает руки на груди. Смотрит сверху вниз. Эта поза - его любимая. Она говорит:

«Я хозяин.»

«Ты на моей территории.»

«Я могу позволить себе смотреть на тебя столько, сколько захочу.»

Я открываю папку, хотя знаю, что там внутри. Пустые листы. Я записываю результаты слежки в телефон, а в папку кладу бумаги для отвода глаз. Максимум не нужны мои записи. Ему нужно мое присутствие. Мое лицо. Мое тело в этой блузке, которую я забыла сменить.

«Черт», - думаю я, только сейчас осознавая - насколько критическую ошибку я совершила. Блузка с глубоким декольте. Юбка-карандаш, которая обтягивает бедра. Черные лаковые каблуки, которые делают мои ноги длиннее. Я переодевалась в машине для слежки, для роли деловой женщины, для охранников и секретарш. А потом не переоделась обратно. Потому что устала. Потому что мысли были заняты женой у окна и Алексеем, который ждет меня дома с вопро-

сом «как дела?».

Я свободным движением надеваю, запахиваю черное пальто. Затягиваю пояс - туго, почти до боли. Прячу ключицы, плечи, линию декольте, все, что Макс может прочесть как приглашение. Теперь я закутана, как в кокон. Только лицо и руки. Только голос и глаза.

Но он уже начал.

- А вы сегодня особенно хорошо выглядите, Иллирика Борисовна, - говорит он, и в его голосе нет ни капли официальности.

Полное имя из моих документов в его устах звучит как ласка. Как то, от чего хочется съёжиться.

- Я на работе, - отвечаю я, не поднимая глаз.

- Это не мешает вам выглядеть хорошо.

Я закатываю глаза. Откидываюсь на спинку стула, складываю руки на груди - поверх пальто, поверх пояса, поверх всех барьеров, которые успела возвести. Всем видом показываю: «Не надо. Пожалуйста. Оставьте меня в покое».

- Объект чист, - повторяю информацию, максимально сухо, чеканя каждое слово. - Измен не зафиксировано. Жене посоветуй не тратить деньги на адвокатов. Она все равно уйдет, но не потому, что он изменяет. Потому что она уже решила.

Макс наклоняет голову. Улыбается - той улыбкой, от которой у секретарш подкашиваются колени, а у меня сводит скулы.

- Ты всегда так уверена в людях? - спрашивает он.

- Я уверена в фактах. Фактов нет.

- А что насчет тебя? - Он делает паузу, и в этой паузе повисает весь воздух в кабинете. - Ты тоже уйдешь, когда решишь?

Я не отвечаю. Не потому, что нечего сказать. Потому что правда слишком близка. Потому что он только что прочитал мои мысли, которые я никому не показывала.

Даже себе.

Он не слушает мой доклад. Он смотрит. Смотрит на мои пальцы, сжимающие край папки. На мои губы, которые я закусываю, чтобы не сказать лишнего. На мои глаза, которые я прячу за ресницами. Он читает меня, как открытую книгу, хотя я уверена, что научилась закрывать себя на все замки.

«Три года», думаю я. - «Три года этой игры. Он хочет меня. Я ухожу. Он догоняет. Я останавливаюсь - он отступает. Мы застряли. Как два зверя в одной клетке, которые не могут убить друг друга и не могут разойтись».

- Все в отчете, - говорю я, вставая. Папка под мышку, лицо каменное. - Если ничего не нужно, я пошла.

Он не останавливает. Но улыбается.

Я выхожу в коридор, закрывая за собой дверь. Рука замирает на ручке на секунду дольше, чем нужно.

Я делаю вдох.

Выдох.

Стук сердца постепенно замедляется.

В коридоре пусто. Голоса из переговорных стихли, свет притушили до дежурного. Только мои каблуки стучат по плитке - цок-цок-цок. Звук возвращается эхом, будто кто-то идет за мной. Я останавливаюсь у лифта, нажимаю кнопку вызова. Смотрю на свое отражение в металлических дверях. Черное пальто, затянутое тугим поясом. Усталое лицо. Глаза, которые видели слишком много чужих жизней и ни одной своей.

«Я не жена у окна», - думаю я, когда лифт открывается и я захожу внутрь. - «Я та, кто не уходит. И это страшнее».

Потому что жена у окна хотя бы решилась. Она уйдет. Разобьет привычный быт, начнет сначала, будет плакать по ночам, но переживет.

А я?

Я остаюсь.

В мертвых отношениях с Алексеем.

В игре с Максом, у которой нет победителей.

В работе, где я слежу за чужими мужьями и записываю их несуществующие измены в пустые папки.

Я остаюсь, потому что боюсь тишины. Боюсь остаться наедине с собой и понять, что под масками ничего нет. Что я не женщина, а набор ролей. Что я давно забыла, какая я настоящая. Если я вообще когда-то была настоящей.

Лифт едет вниз. Цифры на табло меняются: девятнадцать, восемнадцать, семнадцать...

Я закрываю глаза и прислоняюсь головой к холодной сте-

не.

Дома меня ждет Алексей.

Он спросит: «Как дела?».

Я отвечу: «Нормально».

Он спросит: «Есть хочешь?»

Я отвечу: «Нет».

Он кивнет, включит телевизор, и мы будем сидеть в одной комнате, но в разных вселенных. Как всегда.

А завтра будет новое задание. Новый мужчина. Новая жена у окна. Новый доклад для Макса. Новая игра с его улыбкой и моим пальто-щитом.

И так до бесконечности.

Лифт останавливается. Двери открываются. Я выхожу в паркинг, где пахнет бетоном и выхлопными газами. Иду к машине. Каблуки стучат по асфальту.

Я снимаю туфли у самой двери, бросаю их на заднее сиденье. Сажусь за руль. Смотрю на свои ноги в тонких колготках - пальцы белые от холода, хотя в машине тепло.

Завожу двигатель. Выезжаю на ночной город.

Еду домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.